

человеческой природы, утверждая необходимость гармонии между разумом и чувствами. Произведение сохраняет актуальность, поскольку поднимает универсальный вопрос о соотношении идеологии и реальной жизни.

Список использованной литературы

1. Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Художественная литература. 1983.
2. Аникст А. А. Тургенев и русская литература XIX века. М.: 1976- 902с.
3. Лотман Ю. М. Анализ художественного текста. Л.: 1972- 272 с.
4. Пospelов Г. Н. Теория литературы. М.: 1988 – 276с.
5. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: 2004 – 405с.

Каримова Нигора Маратовна, Доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент кафедры русской филологии Ферганского государственного университета **ORCID ID:** 0000-0002-2775-7156

Хайтова Нодира Акрамжон кизи, студентка 4-курса направления «Филология и обучение языкам: русский язык», Ферганского государственного университета **E-mail:** abdaliewanodira@icloud.com

ОБРАЗ ПОНТИЯ ПИЛАТА КАК СИМВОЛ НРАВСТВЕННОГО КОМПРОМИССА И ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА

<https://zenodo.org/records/19875433>

Аннотация: В статье исследуется образ Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как воплощение нравственного компромисса между личностной совестью и государственным долгом. Автор рассматривает психологическую природу трусости героя, определяемой в романе как «самый страшный порок», и прослеживает динамику его внутреннего конфликта от момента вынесения приговора Иешуа Га-Ноцри до метафизического искупления в финале. Особое внимание уделяется универсальности трагедии Пилата как человека власти, совершившего осознанное предательство истины ради социального благополучия. Работа обосновывает значимость этого образа для понимания философской концепции ответственности и милосердия в художественной системе Булгакова.

Ключевые слова и выражения: М. А. Булгаков, Понтий Пилат, нравственный компромисс, внутренний конфликт, трусость, вина, искупление, ершалаимские главы, ответственность власти.

THE IMAGE OF PONTUS PILATE AS A SYMBOL OF MORAL COMPROMISE AND INTERNAL CONFLICT

Abstract: The article examines the character of Pontius Pilate in Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita" as the embodiment of a moral compromise between

personal conscience and national duty. The author examines the psychological nature of the protagonist's cowardice, defined in the novel as "the most terrible vice," and traces the dynamics of his internal conflict from the moment Yeshua Ha-Notsri sentences him to his metaphysical redemption at the end. Particular attention is paid to the universality of Pilate's tragedy as a man of power who consciously betrayed the truth for the sake of social well-being. The article substantiates the significance of this character for understanding the philosophical concepts of responsibility and mercy in Bulgakov's artistic system.

Key words and phrases: Mikhail Bulgakov, Pontius Pilate, moral compromise, internal conflict, cowardice, guilt, redemption, Jerusalem chapters, responsibility of power.

AXLOQIY KELISHUV VA ICHKI NIZOLARNING RAMZASI SIFATIDA PONTUS PILAT SIMOLI

Annotatsiya: Ushbu maqolada Mixail Bulgakovning "Usta va Margarita" romanidagi Pontiy Pilat obrazi shaxsiy vijdon va milliy burch o'rtasidagi axloqiy murosaning timsoli sifatida ko'rib chiqiladi. Muallif romanda "eng dahshatli illat" deb ta'riflangan qahramonning qo'rqoqligining psixologik tabiatini o'rganadi va uning ichki mojarosining dinamikasini oxirida Yeshua Ha-Nozri uni metafizik najotga hukm qilgan paytdan boshlab kuzatib boradi. Ijtimoiy farovonlik uchun haqiqatga ongli ravishda xiyonat qilgan hokimiyat odami sifatida Pilat fojiasining universalligiga alohida e'tibor qaratiladi. Maqolada Bulgakovning badiiy tizimidagi mas'uliyat va rahm tushunchalarini tushunish uchun ushbu personajning ahamiyati asoslanadi.

Kalit so'z va iboralar: Mixail Bulgakov, Pontiy Pilat, axloqiy murosa, ichki mojaro, qo'rqoqlik, aybdorlik-shafqatning falsafiy, najot, Quddus boblari, hokimiyat mas'uliyati.

Вводная часть.

Образ Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» занимает центральное место в философско-этической структуре произведения. Будучи смысловым стержнем «ершалаимских глав», прокуратор Иудеи воплощает в себе не просто историческую личность, но универсальный тип человека, оказавшегося в ситуации критического нравственного выбора. Трагедия Пилата заключается в фатальном разрыве между требованиями государственной системы и императивами личной совести, что делает его фигуру символом вечного противостояния власти и истины. В условиях тоталитарного давления, характерного для эпохи создания романа, проблема «нравственного компромисса» и «трусости» как социального порока становилась особенно значимой. Исследование внутреннего разлада героя позволяет глубже понять авторскую концепцию личной ответственности за совершаемый выбор, который имеет последствия не только в земной жизни, но и в пространстве вечности.

Анализ литературы и методология исследования.

Нравственный конфликт Понтия Пилата начинается в момент его первой встречи с Иешуа Га-Ноцри. Булгаков выстраивает эту сцену не просто как судебное разбирательство, а как глубокое столкновение двух антагонистичных мировоззрений:

безличного официального закона империи и персонифицированного «закона любви» бродячего философа. Пилат, будучи опытным судьей и циником, почти мгновенно осознает, что перед ним не опасный политический мятежник, а носитель уникальной истины, способный видеть суть вещей за покровом слов.

Как отмечает В. Я. Лакшин, внутренняя драма Пилата находит внешнее выражение в его физическом состоянии, жесточайшей гемикрании. Болезнь прокуратора выступает здесь метафорой его духовного неблагополучия и усталости от необходимости служить системе, в которую он сам не до конца верит. Тот факт, что боль отступает именно в присутствии Иешуа, является важным психосоматическим акцентом: он подчеркивает, что проповедь Га-Ноцри – это единственное лекарство для измученной и одинокой души прокуратора [2, с. 182]. Пытаясь найти компромисс, Пилат совершает действие, которое предопределяет его дальнейшую трагедию: он предлагает Иешуа пойти на сделку с совестью. Прокуратор фактически подталкивает подсудимого к лжи или хотя бы к дипломатичному молчанию ради спасения жизни. В этот момент Пилат верит, что проявляет милосердие, однако, по мнению Б. М. Гаспарова, это является лишь первой стадией падения прокуратора как личности [3, с. 56]. Предлагая Иешуа компромисс, Пилат пытается приземлить его истину, вписать её в рамки понятной ему политической игры.

В этом диалоге проявляется глубокая ирония: «сильный» прокуратор оказывается рабом своих страхов, в то время как «слабый» арестант демонстрирует абсолютную свободу духа. Мы полагаем, что истинный конфликт Пилата заключается в том, что он уже выбрал Иешуа своим сердцем, но не нашел в себе мужества выбрать его своим гражданским действием. Провал этой попытки «спасения через ложь» наглядно демонстрирует, что истина не терпит половинчатых решений: любая попытка подстроить её под нужды системы неизбежно ведет к осквернению самой идеи правды. За этим следует, что первая встреча героев становится для Пилата не только шансом на исцеление, но и точкой отсчета его вечной вины перед самим собой. Ключевым моментом, определяющим этическую катастрофу Пилата, становится страх перед доносом и потерей власти. Фраза «трусость – самый страшный порок», первоначально произнесенная Иешуа и позже эхом откликающаяся в сознании прокуратора, становится лейтмотивом всей жизни героя. Важно подчеркнуть, что трусость Пилата – это не примитивный биологический инстинкт самосохранения, а сложный, осознанный конформизм человека, глубоко интегрированного в государственную иерархию.

Результаты и обсуждение.

Прокуратор предаёт Иешуа не из личной ненависти или идеологического несогласия, напротив, он симпатизирует философу. Однако Пилат сломлен перед «тенью кесаря», которая материализуется в пространстве допроса как символ абсолютной и безжалостной власти. Как справедливо указывает А. Н. Варламов, этот жест подчеркивает универсальность образа Пилата как чиновника любой эпохи, который, осознавая несправедливость своих действий, всё же ставит интересы системы и сохранение собственного статуса выше человеческой жизни и истины [4, с. 524]. В трагедия Пилата усугубляется его высоким интеллектом: он понимает ничтожность

тех, кому угождает, и величие того, кого отправляет на казнь. Совершая этот компромисс, прокуратор надеется сохранить статус-кво и привычный комфорт власти, но вместо этого обрекает себя на необратимую внутреннюю деградацию. Мы полагаем, что Булгаков намеренно лишает Пилата оправданий: прокуратор не обманут и не ослеплен, он абсолютно зряч в своем падении.

Его «делка с совестью» оказывается иллюзией, так как в мире Булгакова невозможно сохранить покой, предав истину. В конечном итоге, социальное благополучие, ради которого Пилат жертвует Иешуа, оборачивается для него вечной пыткой. Таким образом, автор демонстрирует, что трусость – это не просто слабость характера, а фундаментальный экзистенциальный провал, превращающий некогда грозного правителя в вечного заложника своего единственного неверного решения. Наказание Пилата в художественной системе Булгакова носит вневременной, трансцендентный характер. Две тысячи лет одиночества на пустынной скале под холодным лунным светом – это не внешняя кара, навязанная извне, а доведенная до предела, мучительная рефлексия самого героя. Прокуратор наказан бессмертием памяти, которая, подобно замкнутому кругу, заставляет его бесконечно переживать одну и тот же секунду своего рокового малодушия. В этом состоянии время перестает быть линейным, превращаясь в статичную пытку совестью.

Внутренний конфликт героя разрешается только тогда, когда он осознает недостаточность простого сожаления и приходит к необходимости деятельного, духовного покаяния. Как подчеркивает И. Л. Галинская, путь Пилата – это сакральный переход от «закона» (ветхозаветного или имперского) к «благодати», который становится возможным лишь благодаря милосердию и особому творческому акту Мастера [5, с. 72]. Мастер здесь выступает не просто как летописец, а как демиург, который своим прощением («Свободен! Свободен!») завершает затянувшуюся на тысячелетия трагедию.

Финальный диалог прокуратора с Иешуа на лунной дороге, который происходит уже за пределами земного бытия, символизирует окончательное преодоление нравственного разрыва. Этот «лунный путь» становится метафорой бесконечного познания и примирения, где стерты границы между палачом и жертвой. По мнению П. А. Николаева, такое решение автора утверждает гуманистическую надежду на искупление даже для тех, кто совершил тяжкий грех трусости, при условии, что раскаяние было искренним и выстраданным в вечности [6, с. 208].

В этом акте милосердия проявляется высшая справедливость романа: Пилат получает не то, что заслужил по букве закона (смерть или забвение), а то, в чем нуждалась его душа, возможность договорить с тем, кого он предал. Таким образом, Булгаков возводит частную историю чиновника в ранг вселенской драмы о падении и воскресении человеческого духа, подчеркивая, что последним словом в истории человечества должен быть не карающий меч, а прощающее Слово.

Вывод.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что образ Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является одной из самых глубоких и

этически нагруженных фигур в мировой литературе. Его путь представляет собой трагическую иллюстрацию того, как нравственный компромисс, совершенный под давлением социальной системы, неизбежно ведет к внутренней катастрофе личности. Мы установили, что трагедия Пилата коренится не в отсутствии моральных ориентиров, а в попытке разделить «человеческое» и «служебное», что в этической системе автора оказывается невозможным. Анализ «самого страшного порока» показал, что для Булгакова трусость является не столько психологическим состоянием, сколько социальным отказом от ответственности, превращающим человека власти в заложника системы. Однако итоговое искупление героя и его выход на лунную дорогу доказывают, что автор оставляет право на спасение даже для тех, кто совершил предательство, если оно было осознано и выстрадано через многовековое раскаяние. Итак, фигура прокуратора служит универсальным предупреждением: никакая государственная необходимость не может оправдать сделку с собственной совестью, а последствия частного нравственного выбора неизбежно выходят за пределы одной человеческой жизни, обретая масштаб вечности.

Список литературы:

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1988. – 384 с.
2. Лакшин В. Я. Мир Михаила Булгакова. – М.: Современник, 1989. – 447 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
4. Варламов А. Н. Михаил Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 856 с.
5. Галинская И. Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986. – 128 с.
6. Николаев П. А. Реализм и его современные формы. – М.: Советский писатель, 1975. – 398 с.